

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

EDN USMEUQ

Чулошников Алексей Игоревич,
независимый исследователь
г. Пермь
sintekatzy@rambler.ru
SPIN-код: 2319-5155

КОНТИНУУМ ФОРМ НЕРАВНОЦЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Статья посвящена обсуждению проблемы дифференциации различных форм неравноценного социального обмена, представленного в виде насильственного и манипулятивного взаимодействия, а также описывается вариант координатной сетки, позволяющей структурировать их. В частности, проблематизируется высокая степень гетерогенности феноменов, описываемых в категориях “манипуляция” и “насилие”, а также ограниченность критериев в аспекте их рассмотрения как дихотомических. Выделяются критерии, дифференцирующие насилие и манипуляцию, а также формы равноценного социального обмена, такие как уровень фрустрации, сопровождающий взаимодействие, субъективное согласие с ним и степень его легальности, т.е. соответствия общественным нормам. На основании данных критериев, представленных в виде интервальных континуумов, конструируется трехмерная сетка, в рамках которой размещаются как различные формы неравноценного социального обмена (представленные разнообразными насильственными и манипулятивными практиками), так и формы равноценного социального обмена, ассоциированного с принуждением. В рамках данной модели насилие описывается кластерами сильной или средней степени фрустрированности, субъективного несогласия и нелегального характера взаимодействия, манипуляция – преимущественно кластерами отсутствия или умеренного уровня фрустрации, субъективного согласия и “пограничного” характера легальности. Также в рамках сконструированной модели могут быть описаны “гибридные” формы неравноценного социального обмена, представленные промежуточными формами психологического насилия, экстремальные или авитальные социальные практики.

Ключевые слова: насилие, психологическая манипуляция, психологическое насилие, абьюз, аверсивные тактики общения.

Ссылка для цитирования: Чулошников А.И. Континуум форм неравноценного социального обмена // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 57–66. EDN USMEUQ

Alexey I. Chuloshnikov,
independent researcher
Perm
sintekatzy@rambler.ru
SPIN-код: 2319-5155

CONTINUUM OF FORMS OF UNEQUAL SOCIAL EXCHANGE

The article is devoted to discussing the problem of differentiating various forms of unequal social exchange, presented in the form of violent and manipulative interaction, and describes a version of a coordinate grid that allows them to be structured. In particular, the high degree of heterogeneity of phenomena described in the categories of “manipulation” and “violence” is problematized, as well as the limitations of the criteria in terms of their consideration as dichotomous. Criteria are identified that differentiate violence and manipulation, as well as forms of equivalent social exchange, such as: the level of frustration accompanying the interaction, subjective agreement with it and the degree of its legality, i.e. compliance with social norms. Based on these criteria, presented in the form of interval continuums, a three-dimensional grid is constructed, within which both various forms of unequal social exchange (represented by a variety of violent and manipulative practices) and forms of equal social exchange associated with coercion are located. Within this model, violence is described by clusters of a strong or moderate degree of frustration, subjective disagreement and the illegal nature of interaction, manipulation - mainly by clusters of the absence or moderate level of frustration, subjective consent and the “borderline” nature of legality. Also, within the framework of the constructed model, “hybrid” forms of unequal social exchange, represented by intermediate forms of psychological violence, extreme or vital social practices, can be described.

Keywords: violence, psychological manipulation, psychological violence, abuse, aversive communication tactics.

For citation: Chuloshnikov A.I. [Continuum of forms of unequal social exchange]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 57–66 (In Russian), EDN USMEUQ

Введение

Проблема различия насилия и психологической манипуляции (далее – манипуляции) до сих пор является достаточно дискуссионной. И тот, и другой феномен представляют собой одну из форм неравноценного социального обмена, целью которого в конечном счете является эксплуатация одного субъекта социального взаимодействия другим [1, 2, 3]. Обе формы в итоге ограничивают субъектность человека, снижая его возможности отстаивать свои интересы и реализовывать собственную интенциональность. Иногда одно рассматривается разновидностью другого [4, 5, 6, 7], а иногда – как противоположные стратегии эксплуатации [8, 9]. И несмотря на то, что ряд авторов так или иначе выделяет некоторые критерии их разделения [10, 11, 12], реальное многообразие проявлений насилия и манипуляции зачастую не всегда позволяет уложить их в это “прокрустово ложе”. Данная проблема конкретизируется в том, что как насилие, так и манипуляция могут включать в себя достаточно гетерогенные формы [13, 14, 15, 16, 17]. Поэтому даже в рамках одного класса феноменов часть критериев может быть лишь ограниченно применима к ним.

Основной теоретический *дефицит* в рамках данной проблематики можно сформулировать следующим образом. Существующие критерии сформулированы адекватно и отражают значимые стороны явления, однако проблема в том, в какой конфигурации они применяются [10, 11, 12]. Существующие критерии преимущественно дихотомичны, а формы не-

равноценного социального обмена градиентны, гибки. Отсюда возникает *вопрос*: какая комбинация критериев и в каком виде была бы достаточна для адекватной идентификации форм неравноценного обмена и дифференциации феноменов внутри них?

Таким образом, *целью* работы является квантификация критериев и представление в рамках этого континуума спектра форм неравноценного обмена. Конкретными *задачами* являются экспликация общих для насилия и манипуляции критериев, оценка возможности их представления в недихотомичной форме и построение координатной плоскости на основании данных критериев.

Основная *идея* нашей работы заключается в том, что представление данных критериев в недихотомичной, но интервальной форме и в виде измерений на координатной плоскости хотя бы отчасти позволит решить проблему идентификации и дифференциации различных форм неравноценного обмена.

Критерии разделения насилия и манипуляции

Определения. В первую очередь мы воспользуемся определениями, принятыми и рассмотренными нами в предыдущих публикациях, посвященных данным феноменам [1]. Как уже было сказано, оба феномена представляют собой различные формы неравноценного социального обмена, т.е. такого обмена, в рамках которого один участник или все участники нацелены на эксплуатацию ресурсов другого без соразмерного получения выгоды для адресата воздействия (“стратегия win – lose”). И в том, и в другом случае предметом воздействия становится интенциональность другого человека, то, что можно отождествить с его волей, субъектностью [там же]. Различия между феноменами заключаются в том, каким образом оказывается влияние на нее.

Манипуляция – это вид неравноценного социального обмена, при котором эксплуатация осуществляется скрыто, путем модификации представлений объекта манипуляции или адресата (далее и в случае с насилием – *объект*) о предметах его потребностей, способах их удовлетворения. Предмет потребности объекта связывается с потребностями субъекта манипуляции (далее и в случае с насилием – *субъекта*). В процессе манипуляции можно выделить собственно момент “индоктринации” и момент активации потребности [8, 18] посредством напоминания о возможности ее удовлетворения или же неудовлетворения.

Таким образом, интенциональность объекта искажается путем принятия ограниченной манипулятором картиной мира, где свобода выбора симулируется, а давление осуществляется путем наступления желательных или нежелательных “последствий” в рамках, принятых первым правилом игры. При этом объект в целом может быть субъективно согласен на данные условия и считать их в той или иной степени справедливыми [11, 3].

Насилие также является формой неравноценного социального обмена, при которой эксплуатация осуществляется преимущественно открыто (без симуляции безопасности, маскировки намерений субъекта); при насилии теми или иными способами производится прерывание или ингибирование интенциональности объекта путем нарушения переживания безопасности [4, 15, 16, 1].

Важным моментом именно насильственного воздействия выступает его *неконвенциональность*, т.е. насилие является актом принуждения, выходящим за рамки как значимых для индивида ценностей, убеждений [13], так и за рамки общеразделяемых социальных норм [19, 14, 15]. В этом смысле насилие отлично от актов принуждения, осуществляемого в рамках разделяемых субъектами социальных договоренностей, которые можно обозначить как силовые санкции.

В итоге, данные явления различаются по: а) характеру побуждения (острая фрустрация или предоставление возможности удовлетворить потребность); б) наличию субъективного согласия с тем или иным воздействием, интеракцией или же наличием/отсутствием сопротивления ему; в) степени объективной конвенциональности, т.е. степени объективной конвенциональности, т.е. степени соответствия действий субъекта законам, морально-этическим принципам, принятым в том или ином сообществе.

Помимо этих критериев, можно выделить “результативный” критерий, который разделяет ситуации, связанные с фрустрацией, на те, которые в итоге ведут к абилитации или адаптации, и те, что приводят к противоположному эффекту [12].

Формы насилия и манипуляции

Феноменология насилия и манипуляции достаточно гетерогенна и потому далеко не каждый конкретный ее вариант может удовлетворять всем критериям, на которых построен процесс их дифференциации. Если же представить данные критерии как дихотомические, то ряд явлений и вовсе “повиснут” в этих терминологических границах, а явления, удовлетворяющие их в полной мере, могут стать редкостью или же полной абстракцией.

Психологическое насилие как пример гибридной формы насилия. Психологическое насилие как вид насилия, осуществляемого информационными средствами (т.е. приводящее к состоянию эмоциональной дезинтегрированности и десубъективации путем трансляции некоторой информации), во многом является той формой воздействия, в рамках которой нарушение переживания *безопасности*, фрустрация могут быть не столь явными, по крайней мере для внешнего наблюдателя [4, 1, 20, 7, 21].

Так, если предположить, что эмоциональная дезинтеграция может осуществляться путем фрустрации витальных или личностно-значимых потребностей (привязанности, ценности) [13, 16], то можно гипотетически представить как прямые, так и косвенные (менее явные) способы “разуверить” человека в том, что они будут удовлетворяться регулярно и без каких-либо затруднений.

Прямые способы фрустрации могут выглядеть как прямая угроза предмету потребности (целостность организма и физиологическое благополучие, сохранность объекта привязанности) [4], косвенные – как деформация факторов, отвечающих за успешное и регулярное взаимодействие с предметом потребности. Это может быть трансляция информации, в соответствии с которой объект воздействия начинает сомневаться в: а) своих способностях удовлетворить потребность, необходимых для этого знаниях; б) возможности удовлетворить ее неконфликтным путем (когда удовлетворение одной потребности делает невозможным удовлетворение другой) или в собственной личности, как достойной удовлетворения данной потребности (что также в основании является конфликтом между потребностью в принятии другими и всем остальным); в) том, что у него есть ресурсы для удовлетворения потребности [16, 5, 22].

Иными словами, действия, обеспечивающие деформацию косвенных факторов безопасного удовлетворения потребностей, могут быть в гораздо меньшей степени заметны как внешнему наблюдателю, так и самому объекту воздействия, нежели прямая угроза [21]. При возможности такого дробления условий переживания безопасности они могут быть нарушены “парциально”, и потому степень переживания безопасности можно представить не дихотомично, а в виде интервалов.

Гипотетически, мы можем представить различные виды психологического насилия: от максимально фрустрирующих до едва заметных, эмоционально изматывающих, сфокусированных на длительном “подтачивании” условий переживания безопасности и субъектности.

Вслед за этим можно говорить и о том, что в случае с психологическим насилием параметр конвенциональности также может иметь ряд ограничений.

Во-первых, в рамках правовых категорий могут быть формально зафиксированы лишь наиболее “брутальные” формы психологического насилия, такие как угрозы, прямое унижение, уничтожение имущества [13, 15]. Косвенные формы вредящего информационного воздействия [4] требуют фиксации смыслового контекста, длительного, систематического наблюдения и сопоставления их с событиями субъективного мира реципиента насилия, которые даже он сам не всегда в состоянии сформулировать [23, 20, 21].

Во-вторых, многие промежуточные формы насилия иногда не могут быть однозначно оценены даже в рамках более гибких систем морально-этической экспертизы. И лишь по прошествии определенного времени и на основании косвенных показателей (появление тре-

возно-депрессивной симптоматики, повышение избегающего поведения и других показателей качества жизни), выявляемых у объекта воздействия, можно предположить, каков был “истинный” формат взаимодействия.

Помимо того, что психологическое насилие может быть не видно внешнему наблюдателю, факт “ненормальности/неправомерности” может быть не ясен и самому объекту. Довольно трудно однозначно сказать, “против я” или “не против”, когда боль и принуждение не столь явные, а их источник не идентифицирован или же не всегда был связан с фрустрацией [24, 3]. Субъективное переживание конвенциональности какого-либо воздействия может быть подвержено “размыванию” правил путем постепенного отодвигания границы допустимого (эффект “окна Овертона”, адаптация). В этом плане степень субъективного согласия/несогласия, а также объективной легальности/нелегальности можно представить в виде интервалов.

Тем не менее, при наличии описанных оговорок комплексное применение данных критериев (объективной и субъективной конвенциональности, ассоциированной с воздействием фрустрации объекта) может хотя бы в какой-то степени если не идентифицировать, то предположить вероятность насильственности того или иного взаимодействия.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что психологическое насилие как результат непрекращающейся эволюции физического насилия, протекающей в рамках постоянно ужесточающихся ограничений на его применение, предполагает возможность осуществления скрытого, иногда за счет постепенности и двусмысленности (игры значений/контекстов), “подтачивания” условий психического равновесия, обеспечивающего возможность быть субъектом.

Манипуляция “снизу” и “сверху”. Из отмеченного ранее следует еще раз обозначить, что манипуляция является своеобразным паразитированием на потребностях другого человека путем связывания способа их удовлетворения с необходимым для манипулятора действием [10, 8, 11].

Значительная часть реализации манипуляции – это индоктринация, создание образа мира (образ мира, общества, его норм, мнений, образа Я объекта, его потребностей), который может характеризоваться правдоподобностью или же отсутствием таковой. И если субъект сумел произвести индоктринацию более или менее правдоподобного образа мира (где удовлетворение потребностей объекта тесно связано с интересами первого), то, действуя в соответствии с этим образом, манипулятор не нарушает критерия конвенциональности. Произвольность также будет скорее лишь ограничена теми вариантами удовлетворения потребности, какие предполагает выстроенный манипулятором образ мира: искажение, но не прерывание.

Другой значимой частью “манипулятивной деятельности” является то, каким образом у объекта воздействия активируется та или иная потребность. Это может быть прямое указание на возможность удовлетворения потребности (“сейчас ты можешь поступить как честный человек и поступить...”) или косвенное (“тот человек показал себя честным малым, когда сделал...”). Это может касаться не только стиля активации потребности, но и стиля индоктринирования (агрессивное навязывание мнения – мягкое убеждение, дискуссия). Данный параметр стимуляции можно соотнести с позициями манипулятора “сверху” (прямая, стремящаяся к директивной) и “снизу” (косвенная, ненавязчивая, ослабленная) [25, 18].

По содержанию стимуляция может сигнализировать либо о возможности удовлетворить потребность, либо же избежать неудовлетворения какой-либо потребности. В последнем случае это уже в большей мере будет связано с фрустрацией, мотивацией ухода от дискомфорта, боли. Фрустрирующий вариант актуализации потребности в этом случае будет довольно близок к насилию по критерию переживания *безопасности*. Таким образом, переживание безопасности при активации потребности может быть опосредованно параметрами: а) директивности/не директивности побуждения, б) типом стимуляции (фрустрация/возможность удовлетворения).

Подводя промежуточный итог, можно говорить о том, что манипулятивная деятельность (включающая подготовительный и активирующие компоненты) также может быть оценена в рамках критериев безопасности, некоего внутреннего согласия с происходящим и объективной легальностью происходящего. Так, можно представить манипуляцию, основывающуюся на грубом обмане, осуществляемую директивно, с явным давлением. А можно представить искусно построенную иллюзию, где бы объект переживал возможность свободного выбора, а нужные манипулятору действия бы активировались едва уловимыми намеками, предрекающими реализацию сокровенных желаний объекта. Первый вариант весьма близок к насилию, второй – искусно симулирует субъектность и конвенциональность.

Оси, составляющие координатную плоскость форм неравноценного обмена

Возвращаясь к формам равного и неравноценного социального обмена, мы можем представить, с одной стороны, абстракцию в виде максимально открытого, безопасного взаимодействия, где его участники обладают полной субъектностью, с другой – абсолютно нечестное, противоправное изъятие ресурса одного участника другим, где первый несет ущерб, находится в состоянии дезинтегрированности и утраты субъектности. Однако мы полагаем, что в сложных, развитых сообществах могут доминировать именно промежуточные формы.

При этом часть вариантов воздействия на субъектность другого человека может размещаться в плоскости легального воздействия или воздействия, на которое согласен сам объект, и не быть ни манипуляцией, ни насилием. Так, это могут быть различные формы правовых санкций, ограничения, накладываемые договором, практики оказания помощи/услуг, духовные практики.

Субъективно и объективно конвенциональные формы взаимодействия. Исходя из этого, параметр конвенциональности сам по себе может быть разделен на два “субпараметра”: объективной конвенциональности и субъективной конвенциональности.

Объективно конвенциональные формы взаимодействия соответствуют принятым в том или ином обществе нормам взаимодействия между людьми: закрепленные в виде закона или же существующие в виде морально-этических предписаний и рекомендаций. Они в том или ином смысле соответствуют понятию “легальности”.

Субъективно конвенциональные формы взаимодействия определяются в частном порядке в виде личного согласия индивида с происходящим с ним, т.е. соответствия его представлениям о том, что в отношении него является “честным”, “справедливым”, “нормальным”.

Так, можно представить себе ситуации, когда данные параметры совпадают или же когда они в разной степени противоречат друг другу. Например, когда человек, привыкший к плохому, недостойному и преступному обращению к себе принимает его как должное и не сопротивляется ему. Или же когда человек сталкивается с легальными санкциями, но не готов их принимать.

На основе выделенных критериев равноценного и неравноценного обмена мы с долей условности можем построить оси, в рамках которых постараемся разместить как “прототипические”, так и гибридные формы.

Ось переживаемой фрустрации. Данный параметр будет репрезентирован как континуум, где один из полюсов представляет собой *отсутствие фрустрации*, а другой – *высокий уровень фрустрации*, соответствующий состоянию эмоциональной дезинтегрированности. Промежуток между ними будет характеризоваться умеренным переживанием фрустрации, достаточным для оказания давления, но и не вызывающим у объекта воздействия состояния дезинтегрированности в полной мере.

Ось объективной конвенциональности (“легальность взаимодействия”). Данный параметр отражает степень интересубъективной нормативности и может быть представлен как ось с полярностями: (объективно) *легальное – нелегальное воздействие*. Под “легальным воздействием” мы понимаем такой вариант оказания влияния на другого, который осуществляется по правилам, в той или иной степени артикулированным и принимаемым членами того или иного сообщества. Интервал может представлять собой спектр поведения, входящий в

зону четкой правовой регуляции, в которой отсутствуют однозначные правила поведения. Например, это могут быть морально-этические нормы, регламентирующие деловые, личные, профессиональные отношения между людьми, не выраженные законодательно, существующие эксплицитно или имплицитно. Таким образом, данная шкала будет представлена следующими интервалами: *легальное воздействие*; *“погранично” легальное*; *нелегальное*.

Ось субъективной конвенциональности (“согласие”). Соответственно, данный параметр представлен осью, где выделяются полюса *согласия* объекта с происходящим или *несогласия*. Интервал представляет собой зону “неопределенности”, где индивид (объект воздействия) точно не может сказать, насколько то или иное действие другого субъекта (субъекта воздействия) согласуется с его системой нормативности.

Именно система нормативности объекта воздействия может выступать мишенью “подготовительного” этапа при манипуляции, обеспечивая симуляцию субъектности у ее объекта. Однако она может рассматриваться и как мишень для гибридных форм насилия. Так, в процессе длительно осуществляемого насилия данная область может трансформироваться в сторону согласия с происходящим. Эта ось будет представлена следующими интервалами: *субъективного согласия с воздействием*; *неоднозначным согласием*; *несогласием*.

Таким образом, из данных осей может быть построена трехмерная координатная сетка (рис. 1), в рамках которой можно разместить подавляющее или как минимум значительное количество феноменов неравноценного социального обмена.

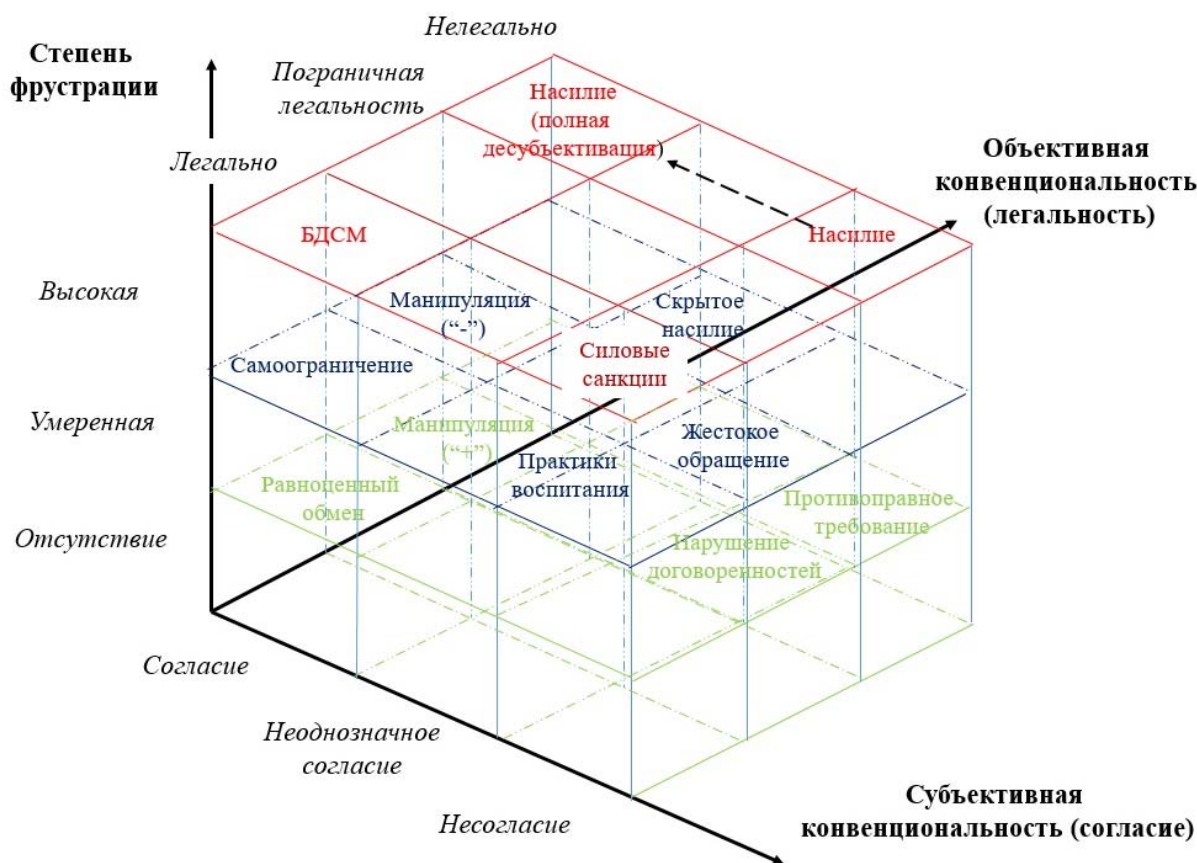

Рис. 1. Координатная сетка форм неравноценного социального обмена (красным цветом обозначена группа, соответствующая высокой степени фрустрации, темно-синим – средней, светло-зеленым – ее отсутствию)

Кластеры форм неравноценного обмена

В соответствии с обозначенными уровнями/степенями свободы мы можем выделить следующие группы и комбинации. Для удобства в качестве “ведущего” параметра мы возьмем ось *степени фрустрации*.

Высокий уровень фрустрации. Данная группа будет включать в себя, с одной стороны, “классическое” физическое насилие и “высокоинтенсивное” психологическое насилие (*нелегально, отсутствие согласия*), с другой – легальные формы силового воздействия, которые можно условно обозначить как “санкции” (*легально, отсутствие согласия*). Также в эту группу будут входить легальные или “погранично” легальные формы воздействия, связанные с фрустрацией (*легально, есть согласие*): разнообразные экстремальные межличностные практики, самонаказание посредством другого.

Средний уровень фрустрации. В эту группу могут входить как различные манипулятивные стратегии (пограничная легальность, согласие), осуществляющие стимуляцию посредством фрустрации (например: “если ты не сделаешь этого, то ты лишишься чего-то”), так и скрытые, “гибридные” формы насилия, которые можно расположить в рамках подкластера нелегального воздействия (*нелегально, несогласие/согласие*). Также в какой-то степени частично легальным (*погранично легально, отсутствие согласия/неоднозначное согласие*) можно признать такие слабо заметные формы психологического насилия, как эмоциональное пренебрежение, холодность, игнорирование – то, что может быть обозначено как плохое или жестокое обращение.

В этом случае по оси субъективной конвенциональности мы можем разместить разновидности данного вида насилия. Это может быть воздействие, которому объект сопротивляется, осознает как нечто ненормальное для себя, не соответствующее его воле, интересам, или же это может быть объективно нелегальное воздействие, которое не вызывает отторжения. Последнее можно рассматривать как вариант адаптации к насилию, его принятие или этап насилия, когда субъектность устранена (полная десубъективация). Промежуточный вариант, где отсутствует однозначное согласие (*нелегально, неоднозначное согласие*), можно рассматривать как пример “успешной” реализации стратегии низкоинтенсивного, длительного, “истощающего” насилия.

Помимо этого, в рамках данного кластера может быть рассмотрен шантаж (*пограничная легальность, несогласие*), варианты штрафных санкций (*легально, неоднозначное согласие/несогласие*) и самоограничительных практик с участием другого человека (*легально – погранично легально, согласие*).

Также в рамках данной группы можно обозначить фрустрирующие, легальные практики с “плавающим” параметром субъективного согласия. Например, это могут быть образовательные и воспитательные практики, приводящие к конструктивным изменениям, но в той или иной степени сталкивающиеся с сопротивлением объекта воздействия.

Отсутствие фрустрации. Эта группа включает в себя как то, что можно назвать равноценным обменом (*легально, есть согласие*), так и различные формы манипуляции, побуждающие объекта осуществлять те или иные действия при помощи построения такой картины мира, в которой это бы согласовалось с его потребностями и принципами (*погранично легально/нелегально, согласие*). Также это могут быть просто сомнительные, беспочвенные требования, необоснованные претензии, неудачные попытки суггестии (*погранично легально/нелегально, нет согласия*). В эту группу могут быть включены скрытые или открытые нарушения межличностных договоренностей.

Важно оговориться, что далеко не все формы социального взаимодействия, размещенные в данной плоскости, можно назвать неравноценными. Так, формы, размещенные в интервале объективно конвенционального воздействия, можно в какой-то степени считать равноценным обменом (равным, но с отрицательным знаком), поскольку они являются ответным действием на то или иное нарушение, потенциально наносящее ущерб другим людям.

Также важным, на наш взгляд, выступает такая конфигурация осей, при которой оси субъективной и объективной конвенциональности характеризуются оппозиционным отношением друг к другу (*легально, нет согласия; нелегально, есть согласие*). В отличие от “классического” насилия, данные ситуации могут также рассматриваться как насильственные, но в первом случае – в восприятии конкретного индивида, во втором – в глазах общества. С одной стороны, это демонстрирует сложность задачи экспертизы факта насилия: ее привязанности к определенному контексту, общественной системе и критериям легальности и, соответственно, скорее относительному, нежели абсолютному пониманию насилия. С другой стороны, сам факт оппозитивности данных параметров может быть ключевым для рассмотрения той или иной ситуации в подобном ключе – как зона для выявления *скрытых* форм насилия.

Разумеется, выделенные уровни/интервалы имеют довольно условную природу и при желании могут быть представлены более дифференцированно. В таком случае возможных комбинаций будет значительно больше, что потенциально позволяет описать различные полутоны неравноценных отношений между индивидами. При подобной стратегии, вероятно, какая-либо существенная разница между некоторыми формами манипулятивного и насильственного поведения может стираться, уничтожая возможность однозначно идентифицировать что есть что.

Выводы

1. В рамках построенной континуальной модели возможно размещение как условно прототипических вариантов неравноценного социального обмена, так и их модификаций, которые можно обозначить как “гибридные формы”. Данные формы воздействия осуществляются на границах допустимого, легального.

2. Для обнаружения таких сложных, гибридных форм важно системное применение как формальных, так и потенциально результативных критериев.

3. Разнообразные формы насилия зачастую могут не соответствовать всем критериям, а именно – выраженной фрустрации и совпадения как критерия объективной нелегальности, так и субъективного несогласия.

4. Некоторые формы насилия или же потенциально насильственные ситуации могут быть идентифицированы через факт оппозитивности Субъективного согласия и Легальности, такие как ситуации, когда объект насилия свыкся с насильственными действиями или же насилия, ставшего нормальным ввиду несовершенств правовой системы. Это может стать ключом в идентификации не вполне стандартных ситуаций, когда насилие имеет место.

Библиографический список

1. Чулошников А.И. Сходства и различия манипуляции и насилия как форм неравноценного социального обмена // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 4. С. 117–147. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-4-117-147

2. Шевелева С. В, Шатанкова. Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 1. №. 2. С. 109-123. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>

3. Wood A. W. Coercion, Manipulation, Exploitation. In Christian Coons, and Michael Weber (eds), Manipulation: Theory and Practice. New York, 2014, pp 17–50. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>

4. Волков Е.Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6. С. 183–199.

5. Harsey, S. J., Zurbriggen, E. L., & Freyd, J. J. (2017). Perpetrator Responses to Victim Confrontation: DARVO and Victim Self-Blame. Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 26(6), pp. 644–663. <https://doi.org/10.1080/10926771.2017.1320777>

6. O'Leary, K. D. (1999). Psychological abuse: A variable deserving critical attention in domestic violence. *Violence and Victims*, 14(1), pp. 3–23.
7. Mills L. *Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention*// *Harvard Law Review*, 1999, 113. Pp. 550–613.
8. Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Модальности манипулятивного поведения в образовательной среде как предмет психолого-педагогической рефлексии // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 136–144. DOI: 10.17223/15617793/484/16
9. Фатина М.Л. К вопросу теоретического осмысления феномена психологического насилия // *Тенденции развития науки и образования*. 2017. № 29, ч. 2. С. 39-43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>
10. Грачев Г. В, Мельник И. К. *Манипулирование личностью*. М., 2003. 376 с.
11. Сиразетдинова М.Ф. Многообразие подходов к определению манипуляции сознанием: возможности систематизации // *Научно-методический электронный журнал Концепт. Современные научные исследования*. Выпуск 3. 2015. №7. С. 81–85.
12. Тхостов А. Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // *Национальный психологический журнал*. 2010. №2(4). С. 5–59.
13. Бархатова Е.Н. *Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дис. ... канд. юрид. наук*. Омск, 2014. 170 с.
14. Девятковская С.В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // *Юристъ-правоведь*. 2016. № 4. С. 40–45.
15. Дмитренко А. П, Подгайный А. М., Супатаева Ж. Э. Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости // *Право и практика*. 2019. №4. С. 88–101.
16. Фирсова Е.В. Жестокое обращение с детьми: проблемы терминологии и классификации // *Гуманитарные научные исследования*. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (дата обращения: 13.09.2023).
17. Fischer A. Then again, what is manipulation? A broader view of a much-maligned concept // *Philosophical Explorations*. 2022. Vol. 25, Issue 2, pp. 170–188. <https://doi.org/10.1080/13869795.2022.2042586>
18. Оконечникова Л.В. *Психология манипулирования*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 30 с.
19. Гусейнов А.А. *Мораль и насилие: Понятие насилия* // *Этика: учебник для философских факультетов / под общ. ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко*. М.: Гардарики, 2006. С. 393–417.
20. Langone M.D. Psychological abuse // *Cultic Studies Journal*. 1992. Vol. 9, no. 2. Pp. 206–218.
21. Sikström S, Dahl M, Lettmann H, Alexandersson A, Schwörer E, Stille L, Kjell O, Innesker Å, Ngaosuvan L (2021). What you say and what I hear-Investigating differences in the perception of the severity of psychological and physical violence in intimate partner relationships. *PLoS One*. Vol 16(8):e0255785. DOI: 10.1371/journal.pone.0255785. PMID: 34407140; PMCID: PMC8659990
22. Lazarus, R. S. (1974) Cognitive and coping processes in emotion. In: B. Weiner (ed.). *Cognitive views of human motivation*. New York: Academic Press, pp. 21–32.
23. Бандура О.О, Усова А.В., Ольховский М.Д. *Насилие в семье: отсроченные последствия насилия над детьми* // *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2019. Том 32. № 2. С. 171–179.
24. Eisikovitz Z., Bushbinder E. *Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence*. Thousands Oaks, California: Sage, 2000.
25. Берн Э. *Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений*. – Эксмо, 2010. – 352 с.